

Andre Lwow

Весенние каникулы
Дьявола
на Лазурных берегах
Роман

СУПЕР Издательство

Andre Lwow

**Весенние каникулы Дьявола
на Лазурных берегах**

«СУПЕР Издательство»

2018

Lwow A.

Весенние каникулы Дьявола на Лазурных берегах / А. Lwow —
«СУПЕР Издательство», 2018

ISBN 978-5-907137-01-1

Этот роман, является своего рода очередной попыткой раскрыть тёмные стороны многогранной темы «Эволюция образа Дьявола», над осмыслением которой в своё время трудились такие наисветлейшие умы в области литературы, как Джон Мильтон, Иоганн Вольфганг Гёте, Валерий Брюсов и конечно же никем еще непревзойденный Михаил Булгаков.

ISBN 978-5-907137-01-1

© Lwow A., 2018

© СУПЕР Издательство, 2018

Содержание

Глава 1. Магистр	6
Глава 2. «Великий» маг	12
Глава 3. Первое явление Вольдемара	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Andre Lwow

Весенние каникулы Дьявола на Лазурных берегах

*«Добро может существовать и без зла,
но зло без добра существовать не может».*

Святой Августин

«Дьявол – реальный человек (персона), а не концепция (не диффузное понятие). Сатана умный, он говорит нам, что когда мы его вышвырнем, он уйдет, но через некоторое время, когда вы отвлечетесь, возможно, через несколько лет, он возвращается, со своими товарищами хуже, чем он сам. Он очень вежлив, стучит в дверь, звонит в колокольчик, вежливо подходит и, в конце концов, он приходит со своими друзьями. Важно быть умным и иметь способность различать ложь сатаны. Вы не можете спорить с сатаной».

Папа Франциск, в интервью католической сети вещания TV2000

Некоторые имена и события в произведении изменены до неузнаваемости или частично вымышлены, и любые совпадения с реальными людьми и событиями – чистой случайности...

Глава 1. Магистр

В одном убогом по французским меркам доме престарелых, коих сотни, а может быть, и тысячи разбросаны по городам и деревням провинции, на больничной койке по стойке смирно лежал почтенный старец с печатью смерти на застывшем каменном лице, потрескавшемся от времени, землистого оттенка, и, регулярно выпуская из проваленной груди со свистом вылетающие выхлопные газы и вздыхая тяжело, думал о прошедших днях своих, которых ему точно не вернуть. Тогда как молодая и красивая особа в розовой тунике с глубоким декольте, слегка приподнимая над мягким табуретом свой стройный, изящный и гибкий стан, плавным жестом выхоленной белой руки, усыпанной перстнями с драгоценными камнями, вальяжно перелистывала перед его увядшими глазами рукописные страницы фолианта, сшитого суровой ниткой из почерневших у краев страниц старинного пергамента с мануфактуры древнегреческого города Пергамос, известного своей продукцией уже с седых времен.

И кто бы мог подумать, что этот странный постоялец захудалого приюта был всего лишь навсего гроссмейстер ордена Золотых и Розовых Крестов и благороднейшего ордена Подвязки, как впрочем, и других известных орденов, разбросанных по миру. Еще не так давно его адепты, начиная с голубокровных королей и заканчивая простолюдином Жаком, что когда-то из племса был возвращен, общались с ним как с богом, восклицая: «О, гроссмейстер Полюс!»

Прожив гораздо больше, чем обычно отведено простому смерду, гроссмейстер начал наконец-то умирать, а умирал он долго, страшной смертью, и все из-за того, что бурно прожитая им жизнь не способствовала спокойному переселению его души в миры иные, и он еще цеплялся за нее как только мог, при этом не гнушаясь колдовства да и других приемов из тех, что пострашнее упырей, вампиров, вурдалаков и прочего, чего на свете как бы и не существует!

Увидев перед собой пришедших навестить его в аду принцессу Жанну и ее Бориса, старик внезапно ожил, и было видно, как несказанно он им рад. Свой искривленный от страданий рот с бескровными губами, казалось, нарисованными кем-то химическим карандашом, он растянул в подобии улыбки и хриплым голосом приветствовал гостей:

– Добро пожаловать! Хотя кто-то навестил меня сегодня. Ей-богу, тошно здесь, но благо, что любезная Марго меня хоть как-то отвлекает от жутких мыслей... – И без стеснения он заплакал, задыхаясь в бессильных слезах.

– Как чувствуете вы себя, магистр Полюс? – по-театральному вежливо спросила его принцесса Жанна, в напряжении стараясь улыбнуться, но в итоге выдавила только жалкую гримасу на своем не по годам морщинистом лице, покрытом толстыми слоями дорогих кремов и белой пудры.

Магистр знал о том, что эта ведьма Жанна любила задавать подобные вопросы своей подруге, известной в свете как принцесса Грейс, той самой, что была замужем за старым принцем Монако и глупо нашла смерть свою в автомобильной катастрофе на виражах дороги в сторону Тюрби. Нервно запинаясь, он ответил ей с присущей ему лишь прямоотой и в легкой поэтической манере:

– О! Милочка моя, хоть я и не еврей, но вам скажу, как в анекдоте седой раввин соседям отвечал: «И не дождетесь!»

– О, магистр, неужто вы могли подумать, что в пожеланиях моих скрывается подтекст? – воскликнула все в том же духе принцесса Жанна. – Я всей душой любила Грейс и вам клянусь всем, что у меня еще осталось, – узнала с опозданием о том, что муж ее из ревности в то утро заказал.

Сказав все это, Жанна, странно улыбнувшись, в заключение дала ему один совет:

– А вам, магистр, и не стоит моих проклятий опасаться, ибо нет и не было у вас жены неверной да и вообще ведь не было жены, как впрочем, и детей, прижитых от голливудского

актера или от соседа, а потому и параллель здесь с заказным убийством моей подруги, милой Грейс, скажу вам прямо, будет явно неуместна! Кому быть суждено повешенным, тот точно не утонет, но вам и та, и эта гибель точно не грозят. Потому живите счастливо и долго, мой друг гроссмейстер! – Выдавив все это на одном дыхании, она пыталась снова улыбнуться, но у нее не вышло ничего, и великий Станиславский, будь он жив, сказал бы ей:

– Увы, мадам, я вам не верю!

Стоит должное отдать магистру за все его великое терпенье выслушать столь сногсшибательный и нудный монолог язвительной принцессы Жанны, ибо он ее никак не перебил, хотя, быть может, на какое-то мгновение впал в беспамятство и потому ехидства гиены подлой просто не услышал, но неожиданно он подал слабый голос:

– О, Жанна, если верить русским, то простота порою хуже воровства, тогда как вы желаете мне счастливо и долго жить здесь, на больничной койке в ужасном доме престарелых... Да и вопрос ваш глуп по сути! – И явно подражая ей, он произнес писклявым голоском: – Как чувствуете вы себя, магистр Полюс? – И, перейдя на хрипоту, продолжил злобно: – Вы что, не видите? Я тупо подыхаю здесь в крошечном одиночестве, и дернул черт меня послушаться пройдоху Жака и поселиться в этом сумасшедшем доме!

Выдохнув все это как из огнемета, он так разволновался, что от прилива крови бледное лицо его вплоть до ушей окрасилось румянцем. Немедленно прекрасная Марго в яростном порыве всем знойным телом и душой бросилась к нему, как наш солдат на амбразуру, но тот, остановив ее своей рукой костлявого Кощея, сам силой воли совладал со спазмами удушья. Откашлявшись, он не спеша продолжил:

– А вот насчет детей вы ошибаетесь, мадам! Есть у меня одна-единственная дочь – моя любовь, моя отрада – в должности префекта города Лиона состоит она, но до меня ей дела, видно, нет...

Сказав последние слова, он вновь навзрыд заплакал, и его глаза, как две глубоких чаши, наполнились до краев горячими слезами. И можно было их собрать, чтобы продавать в Иерусалиме или где-то там еще... вдали за морем.

Борис равнодушно оценил весьма богатую фигуру прекрасной Маргариты и форму декольте ее больничной робы, которая полупрозрачной вуалью прикрывала ее божественную грудь, а если быть точней, упругие соски, и, нехотя переведя свой пошлый взгляд на умирающего старца, не зная, что сказать ему, сморозил глупость:

– А вам, великий мейстер, весьма полезна злоба для здоровья. Так, смотришь, до ста лет протянете на ней, ибо она лицо вам красит лихорадочным румянцем свекольного оттенка.

– Шутить изволите? – прервал его старик. – Ведь мне уже давно сто лет, но умирать я все же не желаю, а потому и злость мне явно не помощник, но у меня к тебе есть дело! Ты подойди, топ cher ami, ко мне поближе, хочу шепнуть тебе на ушко кое-что. Сам понимаешь, по-другому секрет не передать... – Многозначительно обвел своим печальным взглядом стены и вновь уставился в беленый потолок.

Борис, приблизившись к больному человеку и невольно морща нос, нехотя склонился к его трухлявой голове, которая как будто стала разлагаться, и, несмотря на запах дорогих духов, витающих повсюду, от нее удушливо пахло мертвечиной, и ему подумалось: «Ведь если верить Библии, то Лазарь в склепе три дня смердел, но явно не настолько, как несет тухлятиной от этого пока еще живого старика. Неужто он попросит, чтобы после смерти я оживил его? Но я же не Иисус, да и он не Лазарь! Хотя неплохо Лазарем поет – сто лет давно свои отжил и власть над этим миром всласть вкусил, но не угомонился. Подумать только, умирать бедняга нынче не желает!»

Вдруг, спохватившись, Борис заметил странность: «Черт, я, видимо, от этих стариков невольно заразился болтать по поэтическим шаблонам!» Внезапно мысль его прервал дедок, и как бы в подтверждение испортил снова воздух, и, не покраснев, промолвил полупшепотом:

– Так вот что я скажу тебе, мой друг! Сдается мне, что скоро я умру и близок мой конец, но хочется пожить еще, пусть даже и недолго, на матушке-земле, чтоб напоследок, на своих двоих вдоль озера по лесу побродив, набрать грибов плетеное лукошко. Ты точно не Иисус, но только ты мне в этом деле подмогой будешь, а может быть, и кое-кто еще... – Немного помолчав, старик продолжил: – Ведь ты не представляешь, каково мне здесь. Каждое мгновение ощущать, как тело мое заживо гниет, и мучиться, вдыхая смердятину свою же, и видеть одним лишь глазом, как женщина прекрасная моя вытаскивает раз за разом из-под моего разбитого каркаса посуды с дерьмом, и не иметь возможности ей вставить по первое число. Это точно худшее наказание из тех, что Зевс когда-то подлому Танталу прописал, – тот вечно мучился на свежем воздухе от жажды, будучи по горло в ключевой воде.

Борису вдруг невольно показалось, что этот дед читает его мысли, и потому, опять не зная толком, что ответить, он, лишь слегка пожав плечами, выдал на-гора:

– Любому фрукту, сир, отмерен свой сезон, и ничего вам с этим не поделывать, ибо ничто не вечно под Луной...

– Нечего кривляться и болтать черт знает что, при этом явно не подумав! – вновь заскрипел магистр. – Мне бы только выбраться отсюда, и ты мне в этом деле обязательно поможешь! – добавил он, и в голосе его почувствовалась некая угроза.

– Каким же образом? – Борис смутился и, не обращая внимания на фамильярность в свой адрес со стороны магистра, продолжил: – Ведь вы мне сами, сир, сказали, что не Иисус я, как и вы не Лазарь. Тогда как случаев других из этой области история, религия и даже медицина пока еще не ведают. Разве что в народных сказках поискать для вас решение проблемы или Дьявола позвать? Но для чего ему, скажите, ваша весьма порочная душа? Бессмертие взамен он вряд ли вам предложит.

– Ты издеваешься? – вскричал старик и вне себя от ярости вдруг попытался приподняться.

Внезапно его обидчик на своем лице стал ощущать до боли знакомую ему энергию, что исходила в этот раз пучками от, казалось бы, безжизненного тела. Вдруг вспомнился Борису тот злосчастный случай, когда под Авиньоном на шабаше за хамство он был публично проклят Розой-колдуньей нынешнего президента Жака. «Шипами розы» прозвана была она ведьмами и колдунами, что слетелись пошабашить со всей Европы по случаю Солнцестояния. В ту ночь впервые ощутил он на себе внезапно некий сгусток, сплетенный из лучей, ударивший ему в лицо несметным количеством осколков и иголок. Так ее зараза, пробив его защиту, просочившись прямо в душу, что чернила в промокашку, который год уже съедала, словно лярва, потихоньку его мятежный и могучий дух. Он постоянно чувствовал, что мощь его уходит, но ничего не мог поделывать со злой напастью. Подумать только, ведь он колдунье этой вроде ничего такого не сказал, по причине, что был смертельно, в доску пьян и свой базар вообще не фильтровал. Но ведь недаром говорится: «То, что у пьяного на языке, то трезвый в голове хранит себе же на погибель». Поэтому, кабы чего опять не вышло боком, в этот раз Борис, реально испугавшись, стал срочно придумывать своей бестактности немало странных объяснений, но мысли в голове запутались, и он не смог найти отмазку да еще так быстро перевести ее с родного на французский... Весь интеллект куда-то испарился, но, слава богу, бешеный старик вдруг остепенился, смягчив свой нрав, спросил уже спокойным тоном:

– Почему ты знаешь, какие души служат Люциферу? Вот для примера, моя послушница Марго давно уже не девственна, но я ценю ее, и для меня она – моя богиня!

Борис, должно быть от волнения, сглупил опять, перебил слова магистра:

– Признаться честно, будь она девицей, но на сто лет постарше чем сейчас, то вряд ли б вы ее в богини записали. А про Люцифера я знаю только то, что пишут в желтой прессе и проповедуют попы, развешивая на ушах толпы свою лапшу, и мне известно достоверно то, что я не знаю ровно ничего!

Покаявшись, Борис внимательно взглянул на старика и заметил, что его ответ немного залечил Великого магистра, у которого в единственном глазу зажегся луч надежды, тогда как левый глаз, бельмом прикрытый, не выразил, конечно, ничего, но тоже с неподдельным интересом уставился в него, пытаясь что-то в нем получше разглядеть. Борис, скрипя душой, продолжил отвечать:

– Ей-богу, сир, я не хотел царапнуть болезненное ваше самолюбие! Ведь я же не убийца самому себе, чтобы бесплатно насмеяться здесь над старым и убогим человеком. К сожалению, характер у меня дурной, и каждый раз, когда волнуясь, с детских лет кусаю больно едким словом обидчивых людей, но если чем-то вам могу полезным быть, то без проблем. Потребуйте, и Люцифера за рога из Ада вытащу для вас! Вот только подскажите, как мне это лучше сделать?

Но тут он вовремя одернул сам себя, ибо его уже опять куда-то понесло, а реально не хотелось конфликтовать с владыкой Ада, ибо кто знает, может, тот и взаправду существует? Тогда как этот дед столетний, лежащий перед ним пластом здесь, на больничной койке, своей надеждой на омоложение его весьма интриговал. Ввязавшись в перепалку с опасным человеком, Борис невольно позабыл принцессу Жанну и, резко обернувшись, стал искать ее. Она не спряталась в шкафу из старого оливкового дерева, а лишь тряслась за его спиной в каком-то жутком состоянии «и ни жива, и ни мертва от страха», сидя на пластиковом стуле, как будто на гвоздях. Ему подумалось: «Она, должно быть, в чугунном котле с кипящей смолой искупалась, ибо на ее лице появилось такое выражение немого ужаса, что смахивало на маску скорби античного театра. Сердешная и не предполагала, что я вдруг стану неучтиво общаться с ее гуру-магистром всех масонов на этой проклятой земле».

Хвала богам, принцесса Жанна не упала в обморок и быстренько пришла в себя, когда магистр, вновь напомнив о себе, спокойным голосом сказал Борису:

– Возьми, дружище, у Марго ключи ты от моей квартиры, что в Каннах, и даже можешь там пожить, пока мне нужен будешь в этом деле. Вот только женщин не води туда, и каждую субботу я буду ждать оттуда фолианты, и за эти хлопоты тебе неплохо заплачу... таких мерзавцев все же я люблю. Ты мне своей бестактностью и хамством молодость мою напомнил! – Сказав все это, он будто что-то вспомнил и, глупо улыбнувшись, замолчал.

Его улыбка почему-то придала Борису самоуверенности. Хоть и ненадолго, но он, почувствовав себя хозяином дурного положения, решил, не церемонясь, потребовать вознаграждение и сказал магистру:

– Сир, я постараюсь оказать услугу вам, хотя не знаю, что же мне с вас взять, ибо вы не сможете сдержать свои же обещания. Однако я готов помочь вам, хотя и без энтузиазма, ибо не желаю лезть в чужую чертовщину, словно по уши в дерьмо!

Борис устал от стариков и потому с принцессой Жанной мечтал не просто распрощаться навсегда, но убежать куда подальше от нее, ибо она была его на десять лет постарше и потому уже совсем не возбуждала. И только на избытке тестостерона он, заблаговременно приняв на грудь стаканчик самогона из града Арманьяк, драл ее как сидорову козу, но не доил... А жаль! Поэтому графин хрустальный, всегда заполненный до пробки «живительной водой» для этих дел да и вообще на всякий случай, всегда стоял на прикроватной тумбе. Тогда как жадная до сладострастия принцесса Жанна, душевной холодности его в упор не замечая, раз за разом, поймав свой кайф, орала благим матом (естественно, на русском языке) на все Монако! Да так, что всем ее соседям казалось – эти вопли могли легко, как птицы, долетать до окон резиденции безумных принцев, стоявшей на скале, напротив их апартаментов, в которых Жанна продолжает, быть может, и сейчас спокойно жить. Ну, а в то время, уже далекое от нас, каждый раз, вкусив любви, ее рабыня стонала так забавно, что вынуждала любовника невольно рисовать в воображении своем смешные сцены: «Бедный принц монакский, на смертном одре возлегая, просил дворецкого окно в его опочивальни скорей закрыть, чтобы не слышать крики

страстной Жанны, что часто долетали до его ушей на крыльях сизых голубей, вызывая в нем злость и раздражение».

– Надеюсь, ты найдешь под ложем в моей опочивальне старенькую книжицу, – продолжил было говорить магистр, но Борис, снова не сдержавшись, сказал ему в довольно резкой форме:

– Сир, скажите честно, нужны ли вам те кучи фолиантов или всего лишь эта старенькая книга, за которую вы сейчас цепляетесь, как утопающий в водовороте за соломинку? Ей-богу, в вашем положении придется быть куда яснее, а не вилять, как кот хвостом...

К счастью, его невежливый совет прервал звонок, и ассистентка, как бы вдруг появившись из ниоткуда, немедленно поднесла к голове магистра телефон, и, словно гром, из черной трубки раздался до боли знакомый Борису голос пройдохи-президента Жака:

– Ходят слухи, что ты поругивал меня за то, что я тебя когда-то поместил в этот замечательный... дом престарелых, где все удобства есть не в огороде и можно всласть еще пожить и ни о чем особо не тужить...

На что магистр, неожиданно приободрившись и вновь воспрянув духом, вежливо прервал мерзавца Жака закрученным словом:

– Уж больно быстро, милый Жак, до вас в Париж доходят мои предсмертные слова! Сдается мне, что их расставленные в комнате жучки на крылышках своих доносят до Елисейского дворца? И если ты решил, что уже пришла пора гиенам рвать на части еще не сдохнувшего льва, то явно совершаешь ты очередную глупость.

После тревожного молчания все тот же голос неуверенно ответил:

– О! Милый друг, ну как ты мог подумать про меня такое? Ведь я тебе обязан тем, что столько лет служу своей стране!

– Какой я тебе, к черту, друг? Я твой хозяин, а ты зарвавшийся мой раб и лучший ученик мой – Николя Коварный, когда придет занять твой трон, тебя же и осудит публично в трибунале. А может быть, еще и сам я смогу подняться, чтобы лично взять тебя за жабры! – закричал магистр, и испещренное морщинами лицо порозовело настолько, что его седая голова стала похожей на сморщенное яблоко, упавшее на землю, которое слегка припорошило первым октябрьским снежком.

Тот, кто звонил магистру, бросил трубку, о чем присутствующих в этой палате № 7 известили короткие гудки... Борис невольно посмотрел вокруг себя, желая явно увидеть этих невидимых жучков и, может быть, в придачу глаз кинокамеры, промолвил, искреннее сочувствуя магистру:

– Да вы тут как питон в виварии живете, и стоило ли ради глупого конца всю жизнь свою в масонской ложе в высоких градусах, как в гору, забираться? Напрасно столько крови вы пролили и задушили немало стран. Но если вам звонил тот самый Жак, который обожает мексиканское пиво, телячью голову с петрушкой, колдунью Розу, ту самую, что прокляла меня и вас, масонов, тоже любит на закуску под водочку, то, кажется мне, я реально влип, и мне отныне не дадут житья крутые парни из ЦРУ и ДСТ, ну и конечно же, девицы из Ми-6, но из всех зол я выберу последних...

– Покуда буду я в живых, проблемы с Жаком точно не возникнут, как и с наследником моим – Коварным Николя, хотя в последнем я немного сомневаюсь! – выдохнул магистр и, лишившись вдруг последних сил, распластался бездыханно на белоснежных простынях в своей постели.

Все это вызвало вокруг него ажиотаж, когда на зов ужасно воющей сирены сбежались люди, одетые в крахмально-белые одежды.

Вовремя пришедшая в себя гадкая принцесса и ее «не при делах» попутчик, воспользовавшись возникшей суматохой, сбежали прочь, и, исчезая в дверном проеме, Борис поймал многозначительные взгляды зеленых глаз красавицы Марго, вырвавшиеся на свет из-под челки

некрашеной шатенки, и подумал: «Какая ведьма!» А она, догнав его уже на выходе, всучила ему барсетку в руки и без слов многообещающе поцеловала по-русски прямо в губы.

Как говорится, бешеной собаке и три версты не крюк, и Борис в тот день умчался в Канны, где завис в квартире старого магистра масонской ложи «Роза-крест». Отбросив к черту фолианты, он с удовольствием отведал алкогольное питье ценой как минимум по грамму чистым золотом за каждый миллилитр. Очухавшись к полудню следующего дня, он истерзал свою большую голову извечным вопросом бытия, буквально разрываясь между благим стремлением к счастью или к выполнению священных обязательств. То есть продолжить дегустацию шедевров алкогольной промышленности всех времен, собранных здесь со всех краев бескрайнего света и наконец-то стоявших пред ним по стойке смирно, что солдаты на плацу, готовые служить ему или погибнуть в очередном сражении... или отвезти макулатуру полудохлому магистру в лазарет? Бог не смог ему помочь найти гармонию в душе, и, верный долгу чести, он все же решил отвезти магистру книги по списку, составленному послушницей Марго.

Страшной ошибки он не совершал, так как уже на входе в вышеобозначенный дом скорби, где содержали в узниках великого магистра, Бориса встретили агенты из секретной службы ДСТ... Сообщив ему трагическую новость, они принудили его угрозами отдать им все ключи от злачной хаты скоропостижно усопшего вельможи. Борис буквально взвыл от мысли, что благородное питье, оставленное им в бесхозном состоянии, растворится в алчных чревах других людей, и потерял сознание. Ну а когда пришел в себя, то горькие слезы его отчаяния растрогали сердца, казалось, двух бездушных дуболомов настолько, что один из них пустил слезу – должно быть, из сочувствия к бедняге. Гигант похлопал страдальца по плечу и, когда тот скрылся вдали за поворотом, сказал напарнику:

– И кто бы мог подумать, что среди русских есть чувствительные люди... Неужели так можно горько убиваться из-за какого-то задрипанного деда?

Глава 2. «Великий» маг

На улице была ужасная погода, и мрачное небо, нависшее над приморским градом, извергало из себя всепроникающую сырость. И все живое невольно прогибалось под непрерывными порывами ветра, известного под поэтическим названием «мистраль», в своем завывании грозившего вырвать с корнями раскидистые пальмы и прекрасные цветы.

Начало марта, как правило, не самое лучшее время года на Лазурных берегах, но Борис вообще не обращал внимания на всю мерзопакость хмурых дождей и промозглых туманов, так как у него никак не выходили из головы мудреные фрагменты книги под названием «Люцифер», которую он наконец-то осилил за прошедший месяц. Естественно, что тут не обошлось без помощи прекрасной послушницы усопшего великого магистра высших градусов и ступеней, на которую тот перед смертью возложил немалые надежды. Конечно же, красавица Ритюлька учила Борю не только понимать заумные слова мудреных выражений, что уже, казалось, навсегда остались где-то там за горизонтом, в покрытых плесенью архивах Ватикана. Но шаг за шагом вместе с азами колдовства его прелестная наставница дарила ему столько радости, что он, превратившись ненадолго в усидчивого ученика, мог часами напролет с великим нетерпением ожидать очередных умопомрачительных уроков из области неуважаемой в наш просвещенный век науки, дошедшей к нам из глубины веков.

Да и сама Марго порой воспринималась им скорее жрицей богини храма всепоглощающей любви по имени Венера, нежели прислужой в катакомбах напыщенных масонов, ушедших давным-давно в глубокое подполье, и случалось, что на сон грядущий он повторял по десять раз, как мантру, странные слова:

– Что может быть прекрасней магии любви?

В этот беспокойный для него промежуток времени странное ощущение любви непрерывно блуждало в его воспаленном сознании, невольно согревая его земную оболочку и божественную душу, подпитывая в нем почти угасшее пламя надежды на счастье в личной жизни. Ведь с появлением Марго его жизнь с ее пугающей размеренностью перестала ему казаться слишком мрачной и монотонной, ибо наконец-то он увидел впереди себя в кромешной темноте некий лучик света, сравнимый разве что с блеском антрацита. Но все же это был свет в конце туннеля, который стал ему надежным ориентиром для выхода из беспросветного существования в мире сытости и безмятежного буржуйского порока!

Несмотря на все свое недоверие к несбыточным мечтам благополучно усопшего великого магистра о скором омоложении, а теперь, стало быть, и о воскрешении из мертвых, как впрочем, и к колдовству с его летучими мышами и зельем, сваренным из гнилых пальчиков, Борис все же решился в ночь с 12 на 13 марта 2005 года провести этот замысловатый ритуал во время своего очередного дежурства в автобусном парке города Канны.

Помимо запланированного колдовского действия он намеревался при помощи священного заклятия снять с себя проклятие старой авиньонской ведьмы Розы и тем самым попутно избавиться раз и навсегда от тяжелого груза обещаний, что были даны им когда-то еще живому магистру. Что касалось Марго, то, судя по ее странному нетерпению, что она проявляла каждый раз, натаскивая своего любвеобильного ученика, этот ритуал ей нужен был просто позарез и, как говорится, чего желает женщина, того же жаждет Бог!

Таким образом, ослепленный темным светом колдовских знаний, полученных из черной книжицы, и в то же время катаясь как сыр в масле в непрерывных ласках сексапильной искусницы Марго, Борис самонадеянно взял на себя завышенные колдовские обязательства по извлечению из Ада черта с генеральским эполетом, хотя первоначально он подписался всего лишь на омоложение дряхлого магистра.

Конечно, новоиспеченный маг подозревал, что удвоенное рвение послушницы Марго, скорее всего, было вызвано лишь желанием вернуть своего старика в этот мир из загробного царства для того, чтобы, поскорее женив его на себе, стать лейтенантом женской логи масонского древа или одной из серебряных нитей гигантской паутины, которых этот черный паук успел свить немало за свою более чем продолжительную жизнь.

Таким образом, все ее ухищрения в виде щедрой заботы, неподдельного внимания и нескончаемый шарм колдуньи, а также ее великолепные познания в области плотской любви, как и прочие услуги, толкнули Бориса пересечь ту самую запретную черту, отделявшую этот мир от других миров, до сих пор неизвестных современной науке. И он, совершенно замороженный очарованием темной магии, не мог да и не хотел противостоять чарам сладкой чертовки. Более того, прекрасная жрица земной любви и колдовства в процессе учебы наговорила ему столько приятных слов, что невольно вселила в него непомерную уверенность в своих силах, и, иногда посматривая удовлетворенным взглядом Нарцисса на себя в зеркало, он ненароком замечал крылья демона, распахнутые за своей спиной.

В одном из романов Достоевского худосочный студент, не желая больше быть тварью дрожащей, решил доказать самому себе, что он сверхчеловек и, стало быть, имеет право завалить ржавым топором старуху-процентщицу. Ну а потом всю оставшуюся жизнь бедняга сожалел о своем опрометчивом проступке. Тогда как Борис, чтобы не чувствовать себя тварью дрожащей, решился, не прибегая к банальному смертоубийству, по примеру Фауста просто вызвать какого-нибудь представителя из потустороннего мира, а если повезет, то и самого властителя Ада и этим доказать самому себе, что тоже имеет Право, которое Наполеону просто и не снилось.

На протяжении нескольких дней до проведения магического ритуала его тревожил лишь один вопрос: «Почему или с чьей подачи шпионы президента Жака забрали у него ключи от квартиры Великого магистра, где ему было оставлено, словно на милость победителя, столько ценного бухла?» Неужели и здесь ключом к разгадке этой энигмы было знаменитое «Се ля ви – шерше ля фам»? Ведь откуда-то Марго раз за разом продолжала приносить в старинных бутылках дивные нектары виноградных полей, чтобы, помимо своей обильной любви, накормить его и этим продуктом питания, тем самым подтверждая истину: «Одной любовью сыт не будешь».

Естественно, Борис поначалу и не пытался оправдать свою сладострастную учительницу, но неожиданно для самого себя пришел к умозаключению, что Марго имела право изъять у него ключи от квартиры и тем самым перекрыть путь к благородным напиткам, и это сделано было ему же во благо. В противном случае он, как подстреленный истребитель, непременно бы сорвался в штопор глубокого запоя, и все ее надежды на оживление магистра пошли бы прахом. Самокритичности Борису было не занимать, но из-за терзаний своей раненой души он каждый раз в мечтах мысленно перемещался в ту шикарную залу, где еще не так давно изящным штопором, сделанным из благородной стали, с набалдашником слоновой кости, вскрывал одну за другой бутылки древнего вина. Но, тут же приходя в себя, наш мученик совести гнал от себя прочь очередное воспоминание о старинном вине, произнося, словно заклинание: «Сгинь, нечистая! Да пропади оно все пропадом!»

В назначенный день, когда где-то к одиннадцати вечера рабочие автобусного парка наконец-то разъехались по своим домам, Борис, оставшись наедине с самим собой, стал терпеливо ждать свою красавицу Марго, которая должна была принести для ритуального кровопролития все необходимые вещи, но она почему-то задерживалась. Воистину неистовая любовь к красивой женщине с всепоглощающим стремлением обладать ее прекрасным телом доводила его порой чуть ли не до безумия, а теперь еще и подтолкнули к краю бездонной пропасти Ада, из которой ему предстояло при помощи магических сетей выловить, как золотую рыбку... Люцифера.

За окном опять была ужасная погода, а в сторожке автобусного парка ему было одиноко и очень беспокойно на душе. Неожиданно дождь усилился, и совсем рядом блеснула зигзагообразная молния. Внезапно дверь в сторожку с шумом распахнулась, и на пороге появилась Марго, одетая в черный плащ с красной подкладкой. Ошеломленный Борис, откинув прочь терзавшие его сомнения, бросился к ней с надеждой глотнуть хорошего вина, а уж потом на закуску замять ее, такую сладкую, но она проворно выскользнула из его цепких рук.

– Сначала дело, а все остальное потом! Боря, мы опаздываем! – божественным голосом пропела она и стала поспешно доставать из хозяйственной сумки какие-то красивые предметы.

Борис небрежно посмотрел на них, сваленные в кучу на столе, но потом как истинный эстет искренне восхитился древней чашей из массивного серебра в золоте, с выбитыми искусной рукой на ее внешней поверхности какими-то жуткими сценами из прошлого. Далее он повертел в руках как настоящий профессионал кривой ритуальный нож, должно быть, из дамасской стали, так как блестящее лезвие его отсвечивало благородной синевой. Но из всего принесенного в тот вечер он заострил особое внимание на анестезии, выстоянной веками в нескольких бутылках странной формы, которая почему-то так и осталась лежать на дне хозяйской сумки. «Должно быть, это питье тоже с блатной хаты великого магистра?» – подумалось ему, и он вежливо предложил:

– Ритюлька, а может, для храбрости глотнем хотя бы по бокальчику вина, а то что-то в горле пересохло, и уж потом приступим к делу?

Но Марго, проигнорировав его благое пожелание, стала проворно расставлять на столе, покрытом черной материей, позолоченные канделябры и прочую колдовскую утварь. Ей хватило всего лишь несколько минут, чтобы помещение охранника автобусного парка превратилось в настоящее культовое место, которое мало чем напоминало какую-нибудь колдовскую пещеру, но в принципе вполне годилось для их ночного волхования. Известно, что главное в любой конфете не ее обертка, но наличие особенной начинки, и поэтому Борис, все еще слегка сомневаясь в своих колдовских возможностях, хотел для большей уверенности напиться до чертиков, ибо пьяному, как известно, и... море по колено!

Пробило полночь, все подготовительные работы для проведения ритуального эксперимента были благополучно завершены, и великие колдуны в лице Бориса и его мотивированной напарницы приготовились начать сеанс в назначенное время. Алтарем для колдовского ритуала им послужил простой деревянный стол, покрытый черной тканью с вышитой на ней золотом масонской символикой. Ткань эту новоиспеченный маг когда-то прихватил из квартиры магистра, предусмотрительно завернув в нее черные книги, которые теперь остались ему в наследство. Несколько масонских канделябров в виде раскидистых деревьев должны были освещать тусклым светом горящих восковых свечей всю их колдовскую церемонию, сводившуюся к прочтению заgrabным голосом нескольких магических формул из черной книги. Также на протяжении прошедшего месяца, что был посвящен им подготовительным работам к проведению священного ритуала, Борис неизвестно почему изготовил из глины чертову дюжину так называемых черных икон и одну из них посвятил её Юлии-ти-ти – героине Оранжевой революции, изобразив ее в древнеегипетских одеждах с фиолетовым кокошником на голове.

Конечно, радовало то, что в этом щекотливом деле ему в помощь была послана волшебница Марго, но очень удручала перспектива порезать кривым ножом свою левую ладонь для того, чтобы на запах его крови клюнула паранормальная пиявка из потустороннего мира, благодаря которой его послушница хотела оживить и поднять на ноги уже умершего магистра.

В тот миг, когда Борис мысленно настраивал себя на проведение магического ритуала, словно боксер на ринге перед началом поединка, красавица Марго, внезапно резко повернувшись к нему, как мифическая Фортуна, своим божественным лицом, торжественным голосом старшей вожатой из пионерского лагеря «Артек» произнесла:

– Тебе от великого магистра пламенный привет, а вместе с ним прими его великий дар «Проклятие», который позволит тебе стать магом над магами всей земли! В силу физической немощи мой хозяин не в состоянии лично провести данную церемонию, и ты его заменишь!

«Так ведь он уже того... «тю-тю» – лежит себе спокойно в морге?» – подумал Борис, но ничего так и не сказал, ибо эта новость его поразила, словно удар тока, и он временно лишился языка, хотя обычно по привычке вначале говорил, а уж потом обдумывал все сказанное. В Библии говорится: «В начале было Слово, и Слово было Бог». И из этого явствовало, что сам Творец когда-то необдуманно, благодаря всего одному лишь по глупости брошенному слову, сотворил Землю со всей проживающей на ней все еще обильной флорой и фауной. Порою Борис сам себя жестоко ругал за необдуманность тех или иных своих высказываний, но быстро успокаивался от мысли: «Коль сам Творец вначале болтал, а уж потом думал, то какие вообще могут быть претензии ко мне?»

Но в тот момент, когда он впервые в своей жизни попытался что-то хорошенько обдумать, прежде чем сказать, Марго стремительно бросилась ему на шею и, заключив его в жаркие объятия, страстно поцеловала в засос. Так вместе с трепетной вибрацией ее сладких губ в Бориса залпом влилась некая сила, которая, словно чистый медицинский спирт, ударила ему в голову да настолько сильно, что у него чуть было не съехала крыша, и он на какое-то время полностью потерял чувство ориентации.

«Неужели этот старый хрыч тебя так же в губы засосал?» – таким был его первый вопрос, когда головокружение слегка замедлило свое центрифужное вращение.

– Тьфу! Какая гадость! – произнес он вслух и смачно сплюнул на пол.

– Да! Мой покровитель все еще жив, но его регулярно вводят в искусственную кому, а когда он приходит в себя, то произносит лишь одну осознанную фразу: «Ритуал!» После чего он снова впадает в забытие, – сказала, запыхавшись, Марго.

– Стало быть, я напрасно оплакивал на протяжении целого месяца смерть такого великого человека и невозможность помянуть его темную душу стаканом доброго коньяка из его же запасов? Я догадывался, что шпионы Жака благодаря тебе забрали у меня ключи от квартиры, где был коньяк времен Наполеона I и другие древние напитки... – Борис попытался вспомнить еще какие-то виды шнапса, но вдруг его язык стал заплетаться, и он уже не мог высказать любимой женщине всего, что накипело у него на душе.

– Пока мой хозяин еще жив, но все же близок к смерти, этот святой ритуал откладывать никак нельзя, ни на минуту, ибо промедление в данном случае точно его смерти подобно! Тем более что редчайшая живучесть великого магистра упрощает нам реализацию колдовского действия! – добавила она легко и даже не покраснев от стыда за все свои подлые ухищрения.

Марго как могла торопила Бориса, а он молча стоял, не зная, что ей ответить. Вся эта ложь и ее поцелуй «Проклятия» вызвали у него лишь острое чувство отвращения, ненадолго он почувствовал себя униженным и даже оскорбленным. Но все-таки чувство долга взяло верх над всеми его неприятными ощущениями, и он решил во что бы то ни стало довести уже начатое им дело до логического конца.

В свою очередь, слуги Николая Коварного из секретной службы внутренней контрразведки «Ренсьемо Женеро», приставленные к телу полуживого магистра по личному указанию хитрого президента Жака, узнай они про это, непременно могли бы стать серьезной помехой на пути колдовской реанимации почти развалившегося на молекулы тела столетнего мракобеса, в котором еще тлела фосфором его великая душа. Более того, ведущие спецслужбы мировых разведок были тоже явно не в восторге от того, что замутили в эту ночь Борис с Марго. К счастью, они ничего не узнали и поэтому не вмешались по полной программе в колдовской процесс неожиданным визитом местного спецназа и прочей шумихой под фанфары, и, конечно же, демонстрацией мощи вооруженных до зубов отъявленных головорезов, направляемых в режиме он-лайн прямо из Елисейского дворца.

Напомню, что положительным фактором в этом деле было то, что магистр был еще жив, и поэтому колдуны-подпольщики решили ограничиться лишь легкой артиллерией, при поддержке которой они надеялись вызвать из Ада мелкую шестерку и не тревожить владыку Люцифера более тяжелыми заклятиями. Задача облегчалась еще и тем, что кровь, взятая из вены все еще живого старика, должна была значительно усилить их «коктейль Молотова», и пойманный на эту приманку демон Ада окажется одновременно в услужении всех троих участников этого ритуала, что в какой-то мере устраивало глубоко оскорбленного Бориса. Наконец-то он, крепко взяв себя в руки, торжественно прочитал вступительное заклинание и, резким движением руки полосонув острым клинком из арабской стали по левой ладони, взвыл от жуткой боли. Да, великий маг, явно переусердствовав, пролил излишнее количество крови во славу Люцифера. Тогда как Марго тоже попыталась расслабиться и, когда ей это удалось, выдавила в жертвенную чашу из едва заметной ранки, сделанной на холме Венеры, всего лишь пару капелек алого цвета и в придачу плеснула туда же из маленькой пробирки черную венозную кровь старого магистра. После чего эта божественная жрица, одним движением руки сбросив с себя черный балахон, обнажила шикарное тело редчайшей красоты с гладкой белоснежной кожей – оно казалось вылитым из фарфора. Затем она, пикантно нагнувшись, достала из сумки какой-то древний сосуд с дурно пахнущим зельем и смешала его содержимое в священной чаше с жертвенной кровью всех участников колдовского ритуала, а остатки этого злого зелья новоиспеченный великий маг хорошенько растер по обнаженному телу своей возлюбленной колдуньи.

В очередной раз в немом восторге окинув взглядом округлые формы хорошо сложенного тела восхитительной Марго, Борис властно поставил ее перед собой. А она в свою очередь, глубоко прогнувшись кошечкой, предоставила в его распоряжение свой шикарный зад, чтобы он вставил ей, как говорится, по первое число. Борис, злорадствуя, что великий магистр этого сделать точно не мог, всецело посвятил себя свершению магического соития, а возбужденная ассистентка, войдя больше в сексуальный, нежели чем в религиозный транс, непрерывно шептала в окровавленную чашу, наполненную гремучей смесью, какое-то жуткое заклинание на непонятном ему подвиде халдейского языка.

Великий маг, изо всех сил пытаясь поддержать свою помощницу, невольно задумался о вечном и сказал вслух:

– Видимо, не зря Мефистофелю приписывают замечательные слова: «Вино всегда пьянит, а женщины полны соблазна!»

Ему очень хотелось пить и, чтобы хоть как-то смочить пересохшее горло, он, не отвлекаясь ни на секунду от своего главного занятия, жадно выпил за себя и за свою партнершу целую бутылку бесценного вина, разлитого заблаговременно по двум древним кубкам, выполненным из человеческих черепов, с серебряной оправой, осыпанной драгоценными камнями.

Красавица Марго, сладко вскрикнув от очередной полученной ею дозы удовольствия и слегка прикрыв томные глаза, внезапно спикировала лицом прямо в чашу с кровью, смешанной с приворотным зельем, словно в рождественский салат «Оливье». Содержимое чаши расплескалось по мasonicкому покрывалу, и пролитая кровь, оказавшись на черной материи, освещенной трепещущим светом восковых свечей, вдруг стала принимать причудливые очертания, похожие на человеческое лицо с рогами. А может быть, Борису все это просто почудилось, и он, чтобы подчеркнуть свое главенство в ритуале, напутствовал партнершу вескими словами:

– Ни в коем случае не пытайся сопротивляться демону Ада! Ты должна стать вместительным суккубом, в который он на время войдет как инкуб, и это может быть немного больно душевно, но ты не мешкай и хватай его за астральные причиндалы, как в заветной книге сказано!

– Да знаю я! – раздраженно перебила его жрица, на время прервав свои оханья, вызванные очередным приливом страсти. – Довольно болтать! Лучше поддай угля в топку и меньше пей вина!

– А ты не мямли там и не скреби мне мозги! – резко одернул ее маг и в возвышенной форме продолжил нравоучение: – Я здесь хозяин и свою работу знаю, и не тебе, подвластная женщина, мне что-либо указывать. А то как бы мое мужское хозяйство не обмякло из-за глупых споров, и тогда тебе держать ответ перед магистром на том свете за срыв программы живительного ритуала.

Неожиданно слова древнего языка, на котором Марго зачитывала очередное заклятие, стали сливаться с шумом высоких волн, не на шутку разбушевавшегося Средиземного моря, что безумствовало от них неподалеку, прямо за автомобильной трассой. Внезапно какие-то странные звуки, пришедшие как бы из ниоткуда, стали невыносимо давить на воспаленный мозг великого мага, пытаясь порвать его на тысячу ошметков. Но он, четко следуя инструкциям, полученным из магической книги, продолжал любить свою партнершу с чувством и с расстановкой... И напоследок бросив победный взгляд на ее оголенную спину в свете, исходящем от догоравших свечей, произнес с выражением слова древнего заклятья, заранее заученного для этого столь ответственного случая.

Словно по команде, ее красивое тело стало извиваться змеей, а потом забилося в конвульсиях, как будто его бросили в огонь, тогда как руки и ноги прочертили в воздухе невообразимые параболы, точно были сделаны из силикона. Красавица Марго издала душераздирающий вопль, и прекрасные глаза ее, закатившись, словно бильярдные шары, обратились своим взором в бездонные глубины ее сознания. А в отражении оконного стекла Борис увидел ее побледневшее лицо с явно отсутствующим взглядом. Внезапно ведьма, резко дернувшись, застыла, и страшная судорога, пробежав по ее телу, отразилась взрывной волной от бетонных стен сторожки. Да так, что они на какой-то миг зашевелились, словно выцветшие от времени простыни, развешенные на ветру. Оплывшие свечи, в одно мгновение ярко вспыхнув алым пламенем, все как одна внезапно погасли, но после, сами по себе снова тревожно замерцав, возгорелись с еще большей силой. На какое-то мгновение перевозбужденная жрица, явно потеряв рассудок, пронзительно завывала волчицей, но затем, плавно перейдя на более низкие частоты, стала жарить глухим оханьем Борису мозг, словно яичницу в микроволновой печи. Его череп, подобно хрустальному графину, уже готов был разорваться на несметное количество осколков, но, слава богу, от головной боли его ненадолго отвлекло неприятное и весьма болезненное ощущение в пораненной руке – по всей видимости, великий маг, резво полосонув себя, не учел степень отточенности церемониального кинжала. Пытаясь остановить обильное кровотечение, он сорвал с себя форменную рубашку и, не прекращая энергичных движений мускулистого тела, туго перетянул пораненную ладонь.

Запах крови, колдовского варева, смешавшись с ароматом духов «Шанель № 5», исходящим от потной женщины, и прочие феромоны вызвали у Бориса рвотные потуги, но он все-таки сдержался. Ведь перед ним была склоненная над столом Марго, неистово кричащая свои заклятия в серебряную посудину, словно та была бездонным колодцем бытия. Великий маг невольно представил удивленную рожу рогатого Люцифера, которая, если верить усиленным стенаниям вакханствующей Марго, вот-вот должна была показаться наружу из жертвенной крови, смешанной с приворотными зельями, и дико рассмеялся:

– Ха-ха-ха! Как представлю... ха-ха-ха... что какой-то смертный блюет прямо в адскую физиономию Люцифера! Ха-ха-ха!

Едва успевая глотать воздух между приступами удушливого смеха, Борис никак не мог перестать изрыгать нечленораздельные звуки, и со стороны могло показаться, что он выкурил несколько косяков, туго набитых злейшей гималайской травкой. Тогда как ушедшая в себя Марго, не обращая никакого внимания на припадочный смех своего компаньона, наконец-то

достигнув дна низкочастотных восклицаний, пошла куда-то вверх и перешла на еще более глухие стоны, что стали раздражать Бориса куда сильнее, чем до этого, вызывая у него необычный душевный дискомфорт вплоть до неконтролируемого чувства страха. Но, чтобы этот ползучий змей своими острыми шипами не ранил его чуткую душу, Борис, все так же не отрываясь от исполнения своего магического долга, решил открыть вторую бутылку вина при помощи штопора. Раздался громкий хлопок пробки, и Борис, вспомнив анекдот про вежливого лося, который тиранил обитателей леса, смог лишь внятно произнести:

– Добрый вечер! – и снова рассмеялся: – Ха-ха-ха!..

От смертельного удушья смехом его спасла лишь третья бутылка Мутон-Ротшильда 1945 года, которая была явно на уровне самых смелых ожиданий. Неожиданно к глухим завываниям ведьмы прибавились еще и мольбы со стонами каких-то потусторонних существ, и Борису ударил в нос едкий запах паленой шерсти или жженой серы, знакомый ему по термальным источникам в Пиренеях, которые он когда-то любил посещать, и ему подумалось: «Неужели там, в Аду, так дурно пахнет или из-за этого вина у меня стало крышу сносить? А может, Ротшильды накачали свое пойло сульфидом серы, и теперь меня не только по слуху глючит, но еще и обоняние подводит?»

Оторвав свой мутный взгляд от прекрасного тела Марго, он стал искать по сторонам осолопевшими глазами некую «белочку». В то время среди русских эмигрантов стало модным поминать ее, и лишь потом до него все же дошло, что под «белочкой» они подразумевали белую горячку. Борис, переборов страх перед этой мохнатой тварью, уверенным жестом трясущейся руки налил себе еще один кубок вина, так как глушить из горла этот благородный напиток ему показалось кошунственным.

Все так же не отрываясь от сексуального стимулирования своей партнерши по колдовству, он попытался мыслить логически, хотя сумасшедшие люди только тем и занимаются, что включают где надо и не надо свою логику. Вопли потусторонних существ из мира теней уже прочно поселились в его голове, и каждый новый стон, многократно отзвываясь в нем эхом, немедленно растворялся где-то в глубинах его бездонного сознания.

Благо, что Марго, загнанная, словно лошадь, во второй раз бездыханно упала на жертвенный алтарь, и верховный маг, предвидя это падение, успел отодвинуть в сторону опустевшую жертвенную чашу, и поэтому раздался глухой звук, вызванный ударом ее крепкого лба о деревянную поверхность стола.

Какое-то время жрица Дьявола молчала как могила и вообще не шевелилась, и Борис, отгоняя от себя назойливые стенания, все еще поступавшие как бы из ниоткуда и которые на самом деле он не должен был слышать, решил срочно заканчивать с сексуальной частью колдовского церемониала, что и было сделано в срочном порядке. После пары резких входящих движений в тело обессиленной партнерши он освободился от ценной поклажи, которую по такому ответственному случаю копил три дня в своей мошонке. Почти сразу же он испытал некое облечение, и ему даже показалось, что в помещении сторожки или в его голове стало немного тише, но на смену слуховым галлюцинациям пришли мутные видения, и ему снова подумалось: «Видимо, я нынче до чертиков нажрался или все же Марго подмешала в вино какую-то гадость?»

Борис подозрительно посмотрел на свою ассистентку, которая, наконец-то очухавшись, оторвала от стола смазливое, но изрядно помятое личико с большой синеватой шишкой на лбу и внезапно каким-то загробным голосом произнесла:

– Ты видишь, как движутся тени в длинных мантиях и призраки, чьи лица скрыты капюшонами? Они держат моего хозяина за руки, словно железными тисками сжимая его хрупкие запястья.

«Слава богу, что ничего этого я пока не вижу!» – облегченно подумал Борис, но внезапно его сознание наполнилось хрустом ломающихся костей, а потом у него пошли круги перед

глазами. Вспыхнуло темное пламя, и он погрузился во мрак, будто в омут, с головой, и единственное, что он успел сказать, прежде чем полностью отключился, было не магическое слово «аминь», не вульгарное «пипец», но из игры в покер:

– Я пас!

Очнулся он, когда уже светало за окном, и тупая боль, внезапно возникшая в тяжелой голове, распространившись через нервные окончания по каждой клетке его организма, гуляла в нем, словно ветер по закоулкам и тупикам, и, казалось, вот-вот вызовет страшную ломку тела, и ему невольно подумалось: «Все как в кино. Мы явно не успели, и сейчас запоют петухи, темные силы рассеются, и придет контролер моей охранной конторы! Надо заметить следы!»

Он увидел себя сидящим на полу в углу помещения, и обнаженная Марго все еще монотонно бубнила очередную тарабарщину, нагнувшись над столом, а кто-то невидимый железным голосом нехотя отвечал ей. Слегка протрезвев, Борис был уверен, что этого точно не должно было быть, и вообще все пошло как-то не так, и надо срочно сматывать удочки, но в его глазах вдруг стало двоиться – Марго явно была не одна. Но кто же тогда был тот другой, что обвинял ее фигуристое тело? И перед затуманенными глазами Бориса эта чертова свистопляска завертелась да так сильно, что ему стало сложно концентрировать на ней свой взгляд. «Карусель какая-то», – это была последняя мысль, что посетила его измученную голову, и он, снова впадая в забытье, успел услышать:

– Ладно! Договорились! – бросила Марго кому-то и, впопыхах напялив на себя черный балахон, смылась за дверь.

А Борису показалось, что это не он имел эту женщину на протяжении всей прошедшей ночи, но она поимела его по полной программе. Надо было срочно собирать манатки, и он, возобладав над слабостью, окончательно очнулся и, резко вскочив на ноги, едва успел побросать церемониальные гаджеты в большую сумку из продовольственного магазина, как за окном снова сверкнула молния, ударил гром и как из ведра хлынул ливень. В безлюдном автопарке противно завывала сирена, и на одном из автобусов замигала оранжевая лампочка, а из его кабины рвануло яркое пламя. Охранник, окончательно придя в себя, бросился с огнетушителем в руках на спасение муниципального имущества.

Вскоре огонь в автобусе был потушен благодаря его героическим усилиям, и позже выяснилось, что возгорание не имело никакого отношения ни к колдовскому шабашу, ни к удару одинокой молнии. Просто дождевая вода, просочившись внутрь электрического щитка, вызвала короткое замыкание, но зато благодаря пожару Борис легко объяснил контролеру свой непотребный внешний вид, то есть голый торс и левую руку в крови, перевязанную форменной рубашкой. И вообще, со стороны он смотрелся как заправский герой, опаленный пламенем войны и измазанный кровью в жестокой сече. По иронии судьбы загорелся не простой автобус, которых в автопарке было больше трех дюжин, но тот, что был разрисован по всему периметру портретами звезд Голливуда, который и по сей день зовется в народе «Фабрикой грез», и в этом происшествии Борис усмотрел для себя некое знаковое событие.

Приняв освежающий душ и заклеив кровоточащую рану на руке пластырем, он наконец-то переделался в цивильную одежду и пошел забирать свои пожитки, а заодно попрощаться с любимой коморкой, в которой он провел долгими ночами полгода своей жизни. А ведь не так давно он славно пил и ел в этой конуре с её обшарпанными стенами и вволю отдыхал каждую ночь после бурно проведенного светлого времени суток. Ему даже невольно взгрустнулось, ведь он отчетливо понимал, что после увиденного и услышанного здесь не вернется сюда ни за что и никогда.

Уже на выходе Борис заметил лежащую под столом ритуальную чашу, с которой разговаривала Марго и, подняв ее, увидел, что в ней на доньшке осталось еще немного гремучей смеси. Рядом с чашей валялась бутылка со святой водой, которую он прикупил в лавке при русской церкви на случай, если бы ему пришлось тушить адский огонь, вызванный его зажи-

гательной ассистенткой. Да, такая женщина как Марго с ее талантами могла не только удовлетворить любого мужика, но и целый взвод голодных солдат, коня на скаку поймать, мертвое войско поднять из безымянной братской могилы, как впрочем, и Дьявола выманить на свет божий из его подземных кругов и лабиринтов Ада. Борису невольно пришли на ум великие строки из его будущей поэмы «Плач по Маргарите»:

Только поезд по ней не прошел,
Не взлетел с нее самолет...
Кто угодно, точно с ума бы сошел,
А ей это было в улет...

Пользуясь отсутствием контролера, который побежал в сторону телефонной будки, чтобы доложить начальству о ночном пожаре в автобусном парке, Борис, слегка ополоснув жертвенную чашу намоленной фирменной водицей из церкви имени Николая Угодника, вылил ее содержимое около ступеней будки. Внезапно его ударила, словно током, неведомая сила да так крепко и больно, что буквально сшибла с ног, и он, упав задницей на асфальт, на какое-то время оцепенев, тупо уставился на маленькую зеленую звездочку, мерцавшую на бескрайнем небе чуть выше горизонта, в котором растворялись воды бескрайнего моря, освещенные нежными лучами Авроры. Это была планета с поэтическим названием Венера, а перед глазами мага-недочки прямо на фасаде сторожевой будки как раз в том месте, где он вылил отходы колдовского производства, из ниоткуда появился во всем своем великолепии силуэт призрака. Странное существо в халате, переливаясь перламутром в первых лучах солнца, словно мыльный пузырь, крутило по сторонам своей еще более прозрачной головенкой. Должно быть, это и был призрак Люцифера, который тоже не мог прийти в себя от случившегося и поэтому мотал башкой туда-сюда, как китайский болванчик, силясь понять, что с ним такое приключилось и по какой злой иронии судьбы его сюда занесло?

Первым пришел в себя Борис и, выйдя из столбнячного состояния, бросился к своей машине, чтобы взять в бардачке одноразовый фотоаппарат, в котором еще оставалось несколько кадров. Как настоящий исследователь неведомых миров он не мог пропустить этот важный момент в своей жизни. Но едва успел он сделать первый кадр, как его отвлек запыхавшийся контролер. Тучи на небе окончательно рассеялись, и солнце уже почти полностью возшло над горизонтом, а призрак стал таять в его нежных лучах, словно снеговик, слепленный из липкого мартовского снега. Борис, не теряя напрасно времени на всякие там условности, попросил контролера сфотографировать его на фоне бывшего рабочего места, что и было сделано вовремя. После чего он тепло распрощался с надсмотрщиком и пошел в сторону своего автомобиля. И так уж получилось, что он, слегка переволновавшись от всего увиденного за эту ночь, загрузив в машину ящик с черными иконами, напрочь позабыл про сумку с колдовскими причиндалами.

В дальнейшем по личному распоряжению министра внутренних дел Франции Николя Саркози его секретная служба «РЖ», проведя тщательное исследование исторических артефактов, оставленных в сторожевой будке, нашла доказательства, указывающие на проведение в ту ночь в этом месте какого-то жуткого церемониала, способного нанести непоправимый ущерб национальной безопасности Франции.

Будку срочно снесли при помощи бульдозера, а капелланы от шпионских служб гнусавыми голосами произнесли над ее руинами заупокойную молитву и залили чертово место струей из мощного брандспойта шеститонной цистерны воды, доставленную из Лурда, предварительно освященной особым таинством его пещере куда когда-то одной пастушке являлся призрак Девы Марии.

Что касаясь Бориса, то он еще долго мучился вопросом: «Почему призрак стоял на земле? Ведь у него, кажется, не было никакого веса?» Что касаясь отснятой фотопленки, то старенький фотограф, в присутствии Бориса рассматривая фотографии, первым заметил некую аномалию, присутствующую рядом с великим магом, и, почесав затылок, сказал:

– Очень странно все это... Такое в моей практике я вижу впервые!

Глава 3. Первое явление Вольдемара

Ярким средиземноморским солнечным днем, ближе к полудню 21 марта 2005 года, прямо напротив главного входа в собор имени Николая Чудотворца – шедевра архитектуры начала двадцатого века, построенного по приказу святого царя Николая II на улице, в последующем переименованной в его честь, – на одной из чугунных лавочек церковного сада удобно расположился голубоглазый мужчина лет сорока, высокого роста, приятной наружности и без особых примет. Это был Борис – в прошлом бравый лейтенант стройбата вооруженных сил почившего Советского Союза и экс-капрал французского Иностранного легиона. Не обращая внимания на набожных граждан, идущих по дороге к храму, он с удовольствием доедал курицу гриль, провозжая ее в последний путь мелкими глотками бельгийского нефильтрованного пива «Гильотина». Он любил посещать этот прекрасный парк при церкви и особенно в обеденное время, так как только здесь на коротко подстриженной зеленой лужайке среди всякой средиземноморской пышной растительности одиноко стояла белая березка, должно быть, привезенная сюда по какому-то случаю из далекой России.

Ненадолго оторвавшись от наивкуснейшей курятины и посмотрев пространным взглядом в сторону церкви, он увидел мужчину высокого роста, средних лет, но уже абсолютно лысого, с раскосыми глазами и явно склонного к анорексии, который в силу каких-то причин не то чтобы шел, но бежал на встречу с Богом, и признал в нем своего знакомого эмигрантского поэта Вадика Кудряво-Малевича.

Поначалу Борис прозвал его Студентом, но потом остановился на прозвище Поэт Бездомный, что чуть позже стало соответствовать реальности. В своем недалеком прошлом Вадик Бездомный, отслужив непонятно каким образом, но все же достойно положенные ему пять лет в Иностранном легионе, поселился на съемной квартире на окраине Ниццы и посвятил себя стихоплетству. Борис, иногда тоже балуясь рифмой, мельком ознакомившись с творчеством Поэта Бездомного, сделал для себя вывод, что тот напрасно валяется на белых простынях и ни о чем другом не думает! Великая страсть к трубке, набитой голландским табаком, а также к глубоководному погружению в стихию слова, взбудораженную гениями Мандельштамом и Бродским, в последующем привели этого Ихтиандра книжных океанов к потере жилплощади за неуплату по счетам. Но судьба была милостива к нему и через охранное агентство «Дьямс» устроила этого бедолагу на должность секретаря к одному олигарху из России, что не так давно прикупил себе шикарную виллу в местечке Танерон.

Это шикарное поместье, когда-то распластавшееся на шестнадцати гектарах хвойного леса и гориг, и по сей день еще стоит на холме в Долине Мимоз между горными хребтами над Каннами, преображаясь день ото дня благодаря стараниям его нового владельца из России. Когда-то оно принадлежало известному еврейскому писателю Мартану Грэю, но тот оставил его по причине того, что, неудачно поселившись в этих красивых местах с неповторимыми горными пейзажами, второй раз в жизни потерял всю свою семью. Во время лесного пожара засушливой осенью 1970 года его вторая молодая жена родом из Голландии и четверо совместно нажитых малолетних детей сгорели заживо в разбушевавшемся огне. Тогда как его первая семья, жена и нескольких детей, а также более ста десяти его родственников были сожжены в годы Второй мировой войны в топках концлагеря Дахау, где особой жестокостью отличался шестнадцатилетний отморозок Йозеф Ратцингер, в последующем благополучно раскаявшийся в грехах глава всех католиков, ставший известным миру под именем Бенедикта XVI. В последующем этот очередной антипапа отрекся от престола по причине коррупции и педофилии, которые и по сей день более чем пышно процветают в стареющем Ватикане.

Но явно не унывающий старый еврей Мартан Грэй вопреки судьбе-злодейке умудрился на старости лет еще пару раз жениться на местных молодухах и вывести с ними новое много-

численное потомство. Однако, если верить словам французской четы, Жуэлю Ленэ и его жене Лидии, что долгое время жили и служили в его поместье, то в гибели второй семьи Мартана Грэя без страшного проклятья никак не обошлось. В частности, они божились, что их хозяин растлил на вилле немало малолеток, и за это ему воздалось. Ну а что касемо присутствия нечистой силы, то со слов многих свидетелей, прошедших хотя бы одну ночь в этом страшном имении, и в частности по рассказам Поэта Бездомного, проведенного там какое-то время:

– Каждую ночь по мрачному парку бродили тени неприкаянных душ, а из старинных каминов выползали страшные черти, которые, по всей видимости, и подтолкнули жену Мартана бежать из их проклятого имения в пламя лесного пожара, спалившего в те дни почти всю округу, но ни с какого бока не затронувшего само это жуткое имение. И хотя жители близлежащей деревни Танерон наградили садовника Жуэля прозвищем Паскудный Енот, а кухарку Лидию титулом Бледная Поганка, я не буду ставить под сомнение их рассказы.

Ну а теперь эту виллу с дорожками в парке, выложенными из мраморных надгробий, собранных Мартаном с разоренных еврейских кладбищ Европы, прибрал к рукам настоящий российский абрек, и Поэт Бездомный недолго был при нем в качестве мальчика на побегушках. Первые шесть месяцев пребывания в имении оказались для Вадима самыми счастливыми в его жизни, так как бывший управляющий, в прошлом выпускник МГИМО, Андрей Руссин, выделил ему небольшой домик и исправно платил сносную зарплату в конверте. Но потом вероломный абрек обвинил честного парня Андрея Руссина в хищении каких-то полутора миллионов американских долларов хозяйских денег, и тот был вынужден податься в бега. Когда на вакантное место в имении «Барон Мюнхгаузен» (LE BARON DE MUNCHHAUSEN) устроился француз Марк Жозеф Тирель (Marc Goseph Tirel), Вадим снова оказался... бездомным! Так как его срочно перевели жить и служить на барские конюшни, где он и отработал совершенно бесплатно больше пяти лет своей жизни. Но по прошествии десяти лет после той, казалось бы, черной полосы в жизни, уже в наши дни Вадим, проживая в условиях крайней бедности, все так же отзывается о своем работодателе с особо подчеркнутым почтением:

– Бывших хозяев не бывает и, несмотря на очередной письменный отказ управляющего поместьем Марка Тиреля, я все еще надеюсь на то, что меня позовут обратно на работу в Танерон и в этот раз за нее будут платить реальные деньги!

Как говорится, надежда умирает последней, но, по всей видимости, та черная пятилетняя полоса в жизни Вадика была не такой уж и черной. Хотя согласно его же душераздирающим рассказам в 2005 году, отмеченном знаком Красного Петуха, он, проживая и плодотворно работая за бесплатно на конюшнях, сильно исхудал да так, что его желудок категорически отказывался переваривать пищу. Из-за чего его разум постоянно пребывал в пограничном состоянии, а измученное тело окончательно дошло до тяжелой степени общей дистрофии, выраженной в полной потере мышечной массы. А потом ко всем этим несчастьям еще добавились визуальные и слуховые галлюцинации со странными свойствами сознания, которые были ему ранее незнакомы. Но в последующем он настолько подружился с ними, что они не уходят от него и по сей день. В последнем телефонном разговоре с Борисом, который произошел жарким летом 22 июня 2018 года, Вадим решил наконец-то обратиться за помощью к психиатрам, чтобы те избавили его от назойливых голосов, поселившихся на постоянное место жительства в его непутев-ой голове. Более того, к ним подселелись еще и особые голоса, которые представились ему махатмами и которые иногда его морально унижают, но именно благодаря им произошло его второе перерождение. Особые голоса рекомендовали ему к прочтению работы Вернадского, Тейяра де Шардена, а также Тибетскую Книгу мертвых и ряд ведических и религиозных знаний о душе, духовности и обо всем, что связано с опытами агонии и пороговых состояний с дальнейшим возвращением к обычной жизни. И, конечно же, в особом почете у них были знания и опыты, находящиеся в распоряжении Станислава Грофа...

Кто-то из непосвященных скажет: «Мистика!», но на самом деле в тот год Красного Петуха Вадим Бездомный, дойдя до ручки, «совершенно случайно» глотнул едкой кислоты, используемой обычно для прочистки унитазов, и ему от нее стало так плохо, что почему-то вновь захотелось просто жить на земле. Но на его беду главная управляющая конюшнями, а в прошлом его подруга, Софи, увидев своего конюха за работой в расслабленном состоянии, явно испугавшись крыс, вызвала санитарно-эпидемиологическую службу. Профессиональные специалисты-эпидемиологи, прибыв на место, от души обработали высококачественным крысиным ядом все жилое помещение, где проживал в то время Вадим, и попутно все его помидоры с макаронами. А он, не ведая того, продолжал выгребать конский навоз из боксов и лишь месяц спустя после визита специалистов по борьбе с грызунами совершенно случайно узнал от кого-то, что все это время беспечно проживал в отравленном помещении и питался исключительно продуктами, отравленными старопроверенными ядами.

Поэтому мне лично так называемое дело Скрипалей из Солсбери 2018 года с его чудесным выздоровлением отравленных русских в свете событий на конюшне Танерон 2005 года не кажется таким уж и чудесным! Ведь, если наш доходяга Вадим Бездомный выжил после потребления маленькой рюмочки кислоты, способной растворить застарелый мочевого камень, а потом еще приняв на закуску невероятное количество крысиного яда, то наши хорошо подготовленные русские шпионы-перебежчики могли запросто переварить целое ведро ультрасовременного яда «Новичок» и при этом даже не пукнуть.

Да, много чего накопилось в голове и в желудке Поэта Бездомного, но я, уже явно забегая вперед, вернусь к освещению событий, имевших место в конце марта, то есть в начале 2005 года, названного китайцами годом Красного Петуха, и продолжу повествование... Справедливости ради, я так же вынужден признать то, что последний мой разговор по телефону с вечно несчастным прототипом Поэта Бездомного стал той последней каплей, что переполнила чашу моего воистину дьявольского терпения и буквально вынудила меня вынудила меня придать его жуткую историю огласке.

Итак, минуло приблизительно три года с тех пор, когда Вадим Бездомный внезапно пропал из вида, и, увидев его живым, но явно нездоровым на пороге церкви, Борис, чуть было не подавившись непрожеванным куском курицы, во все горло крикнул ему:

– Вадим... Кудряво-Малевиц!

Но, по всей видимости, он слегка перестарался, ибо его когда-то отработанный командный голос так испугал Поэта Бездомного, что у того голова по уши ушла в плечи, и бедняга со страхом стал озиаться по сторонам. Но, наконец-то уткнувшись бегающим крысиным взглядом раскосых глаз в Бориса, он расплылся в широкой татарской улыбке.

– С каких это пор татары бегают по православным церквям? Тебе что, мечетей мало понастроено? – Эта явно неудачная мысль посетила голову Бориса, но так как он никогда не фильтровал базар, то, не задумываясь, выдал ее Вадику, что явно задело того за живое, и он сходу вспылал:

– Я белорус!

На что Борис ответил ему в примирительном тоне:

– Люди говорят, что если русского человека хорошо наждачной бумагой потереть, то обязательно татарин прорисуеться, а белорусов и тереть не надо...

Эти слова почему-то подействовали на Вадика Бездомного успокаивающе, и он, осторожно приблизившись к Борису, все-таки присел рядом с ним на краешек скамейки и сходу выпустил наружу свою душевную боль:

– Уволил меня мой чертов кавказец! Подчистую, но, слава богу, позволил жить на конюшнях.

Борис, срочно скорчив скорбную мину, сочувственным тоном спросил бедолагу:

– Как так уволил и за что? Ты ведь такой правильный, услужливый... слова плохого не скажешь...

И Вадик, смахнув с небритой скуластой щеки набежавшую скупую слезу, печальным голосом поведал свою горькую судьбу:

– Да поехал я вместе с нашим управляющим Марком Тирелем встречать хозяина в аэропорт, и на дороге в пробку попали. А мой хозяин, наехав на меня публично да еще и в нецензурной форме, рассказал мне все, что вообще про меня думает, а я ему в ответ так и сказал:

– Если не нравлюсь, то увольняйте меня к чертовой матери! Вот он меня и уволил! Зря я, наверное, чертову мать помянул? Вот и иду к Боженьке, чтобы грехи свои замаливать и свечку Николаю Угоднику поставить. Авось полегчает.

Борис знал, что Вадик Бездомный был круглый сирота и его воспитали в культурной белорусской семье, и поэтому большую часть своей жизни он провел в Минске и, стало быть, имел законное право считать себя белорусом. И это несмотря на поразительное сходство его затылка с тем, что был у Челубея, воспетого кистью известного художника Михаила Авилова. Точно так же один знакомый музыкант Ваня, негр из оркестра Иностранного легиона, возвращенный в семье московских музыкантов, мог по праву называть себя русским человеком. От нечего делать Борис решился более тщательно расспросить своего бывшего сослуживца по существу дела и, зайдя издалека, как бы нехотя спросил:

– Стало быть, у тебя все хорошо, как в песне о прекрасной маркизе, у которой лопата сломалась? Неужели тебя уволили лишь за твой тихий гонорок, но при этом любезно позволили остаться сторожем при конюшнях?

– Да как тебе сказать? – замялся Вадик. – Наш новый управляющий Тирель, очень добрый человек, в правильности которого комар носа не подточит, на прощание мне так и сказал: «Мужайся, Вадим, наш хозяин Рашид Селимович все же отдал предпочтение твоему более широкоплечему напарнику Юре Кулачеву, который тоже был легионером!»

– Премного наслышан я об этом Юрии Кулачеве, пловце из Москвы. – Борис, не дослушав Вадика, с многозначительным видом подлил масла в огонь: – Мои знакомцы из легиона отзывались о нем как об очень темной лошадке, ибо, когда все они, дружно отдыхая после службы, пили охлажденное пиво в тени под пальмами, он носился как бешенный по бездорожью под палящими лучами солнца по тропикам, не забывая при этом каждый раз надеть на себя рюкзак с утяжелением и грузики свинцовые пристегнуть на щиколотки своих спортивных ног. Пробегая мимо них, он на ходу советовал им тоже готовиться к грядущим свершениям. Очень продуманный этот Юра Кулачев, и, скорее всего, он тебя и подвинул тактично с рабочего места.

– Да такого не может быть! – Вадик снова напрягся и бросился на защиту своего бывшего напарника. – Юра очень хороший и вдумчивый человек! Да он зря лишнего слова не скажет, а чтобы меня подвинуть... – Вадим, немного задумавшись, сказал: – Да и Марк Тирель на такое никогда бы не пошел!

– Бойся правильных и вежливых, ибо в любом таком тихушнике много всяких недостатков. И если кто тебе представляется слишком хорошим, а тем более добрым праведником, то много в нем должно быть всякого добра скопилось, так как скрытные люди порою что чан с дерьмом под тяжелой крышкой, – сказал непринужденным голосом Борис и продолжил расспрашивания в том же духе: – Добрые так добрые! Но давай посмотрим на их доброту как бы со стороны, ибо смотришь ты, Вадим, на все тупо и в упор, словно баран на новые ворота. Да к тому же еще и напялил на свои раскосые глаза розовые очки с перламутром. Тогда как уважаемый Лев Толстой в своих детских рассказах учил нас: «Ствол дерева может оказаться одновременно и прямым, и кривым, и все зависит от того, с какой стороны на него посмотреть».

«Ну что же, будем рыть дальше!» – Борис, мысленно подведя первые итоги беседы, исключительно для поддержания разговора спросил с ноткой сомнения в голосе:

– Вадим, да чтобы ты опоздал в аэропорт на встречу со своим олигархом? Да быть такого не может! Я в это ни за что не поверю!

– Я и не опаздывал! – взвизгнул Вадим, явно распаленный укором со стороны собеседника. – Вместе с управляющим мы прибыли в аэропорт почти за два часа до прилета Рашида Селимовича. Но тут Марку передали его личное сообщение с борта самолета, которое озадачило управляющего, и он мне, хорошо подумав, так вежливо и сказал: «Рашид Селимович желают, чтобы я лично доставил в аэропорт его лучшую помощницу из соседнего городка, но если, Вадим, ты лично хочешь за ней быстро сгонять на крутой тачке нашего боса...» – Вадим наконец-то проглотил скопившуюся слюну. – Сам понимаешь, из какого разряда все эти его «помощницы», но и это неважно. На самом деле во всем виноват я один, потому что дал слабину! Даже не дослушав Марку, я рванул за кралей хозяина. Уж больно мне тогда показалось, что этим усердием я смогу оказать услугу Марку, да еще и прокатиться на шикарном автомобиле вдоль берега моря в обществе прекрасной мисс Тула, которой была обещана победа в конкурсе «Мисс Россия!» Ты даже не представляешь себе, какое это счастье прокатиться по Лазурному берегу с будущей мисс Россия! Это тебе не какая-то длинноносая Канделаки на кадиллаке! Однажды я купил горящую путевку в недельный круиз вдоль берегов Италии, и до той поездки с Мисс Тула на шикарном мерседесе слк 200, это были мои самые незабываемые воспоминания...

– Вот-вот это уже гораздо теплее... – мягким голосом решил поддержать разболтавшегося рассказчика Борис.

И Вадим продолжил повествование своей необычной истории:

– Приехав к ней на хату, я ей сходу передал команду нашего хозяина, но она почему-то не стала торопиться. И пока мадам, явно не спеша, приняла ванну, потом выпила чашечку кофе, привела себя в порядок, шастая передо мной туда-сюда в абсолютном неглиже, пару раз намарафетилась «снежком», время было потеряно. Да еще и в машине она каждый раз просила не ускоряться, ибо ее то и дело круто подташнивало. Но поверь мне на слово, Борис, что я к ней никаким боком не подкатывал, и даже намек на это не было, хотя чертовка была очень хороша! Так мы и опоздали в аэропорт на встречу шефа... – упавшим голосом закончил Вадим свою исповедь.

– Вадим, если честно, то опять-таки ты чего-то не договорил! – Борис посмотрел на собеседника с легкой укоризной. – Да чтобы ты ничего вообще не сказал ей и особенно из области нравоучений, такого тоже быть никак не может! Насчет того, что ты к ней клинья не подбивал, то в это я охотно верю! – Борис, громко рассмеявшись, с восторгом вспомнил: – А помнишь, Вадим, как мы тогда вместе с Ми-ми и Лю-лю у свингеров на дискотеке зажигали? Правда, потом бедная Лю-лю тебя целых две недели материла за то, что ты ее так тупо в постели обломал да еще и по-английски свалил от нее когда она на минутку в туалет отлучилась!

– Какая такая Лю-лю? – удивился Вадим. – Никакой Лю-лю я не помню!

– А у тебя что, много было всяких Лю-лю? Да и как ты можешь помнить ее, когда чисто по каким-то этическим понятиям ты от такой женщины смог отказаться? Да такая чернявенькая, очень смазливая, губки бантиком и глазки – два огня... Та самая, которую тебе твой бывший хозяин Зо-зо подогнал. Я же думаю, что у тебя тогда был просто нестойак, а все остальное про этику ты просто придумал...

– А, та самая! Да я и не знал, что ее Лю-лю звали! – вскричал обрадовано Вадим.

– Знаешь, Вадим, что я на самом деле думаю по поводу всех твоих злоключений?.. – перейдя на более серьезный лад, уже было начал Борис, но в это самое время к ним, мирно сидящим на лавочке бывшим однополчанам 6- го саперного полка, подкатила толпа бандюганов – явно из залетных.

Видимо, раскосая физиономия Вадика и его нестабильное поведение что-то нашептали им, и один из отморожков, приблизившись к ним вразвалку, в развязанной форме задал прокурренным голосом вопрос:

– Про что калякаете, братва?

В свою очередь Борис, не задумываясь, выпалил:

– Не поверишь, брат, мы тут о поэзии беседу трем и Льва Толстого тихим словом поминаем.

Такой странный ответ явно обескуражил русского бандита, и он, бросив сочувственный взгляд на поэтов, молча отправился туда, откуда только что пришел. В свою очередь, чтобы хоть как-то успокоить Вадика Бездомного, Борис, сменив пластинку, перевел тему разговора на другое и, слегка вздыхая, сказал ему с сочувствием к самому себе:

– Меня тоже уволили из охранной конторы, а зимой я свалил от моей француженки, той самой Ми-ми, и вот сегодня вновь свободен, как дерьмо в полете, и ночью на своей яхте в Антибах, как Диоген в бочке.

Вадик, слегка повеселев, охотно поддержал разговор:

– Знаю я про твое колдовство в автопарке, так как нынче я вместо тебя там по ночам сторожу. Не знаю точно, что ты там натворил, но водители автобусов и прочая обслуга до сих пор только про тебя и говорят. Мол, ты Дьявола из Ада выпустил, и из-за этого там у них нынче началось массовое умопомешательство! Кое-кто из рабочих автопарка уже к психиатрам за профессиональной помощью в очередь встал.

Борис нехотя поддержал Вадика, бурча себе под нос:

– Да! Видите ли, у них видения всякие, и голоса слышатся. Тогда как в медицине есть одно лишь объяснение всему этому: массовый психоз с визуальными и слуховыми галлюцинациями, то есть, попросту говоря, шиза! Так сказать, тяжелое наследие католической инквизиции, но неужели им всем шизу припишут! Если у нашего брата иногда белочка перед глазами крутится, то у француза может быть только...

Вдруг до Бориса дошло, как до того жирафа, что теперь через Вадика, работающего охранником на его бывшем рабочем месте, он сможет отслеживать последствия проведения своего колдовского эксперимента со всеми вытекающими из него последствиями. И он, не скрывая своего удивления, воскликнул:

– Воистину, это настоящая ирония судьбы! Так это ты в моей конторе нынче по ночам подрабатываешь! А глюки тебя не замучили?

– А что мне было делать? Меня же с виллы уволили подчистую, и Софи как благосклонность предложила мне за триста евриков корячиться на конюшнях полный рабочий день! Меня гордость мужская заела! Обидно еще и то, что мой бывший хозяин назвал меня как-то бароном Мюнхгаузенем, а теперь все его владения так и называются официально – имение «Барон Мюнхгаузен», – с дрожью в голосе произнес Вадик и, немного подумав, добавил: – Да и во всю твою чертовщину я совершенно не верю! А подружке моего хозяина я задал всего лишь один вопрос...

– Какой такой вопрос? – оживился Борис.

– Что она думает о своем будущем? – выпалил Вадим, слегка покраснев, так как эта тема разговора стала его вдруг напрягать.

Возможно, он начал понимать, что насчет беременной любовницы своего хозяина он зря проболтался.

– И что же она тебе ответила? – Борис тоже слегка напрягся, но, не желая вспугнуть дичь, спрятал распирающее его любопытство за толстую стену ватного равнодушия.

Вадим, потупив взгляд и выговаривая слово за словом, выдавливал из себя, словно засохшую зубную пасту из старого тюбика:

– Она мне так и сказала язвительно: «Мое будущее уже настолько предоплачено, что и детям с внуками хватит». И при этом она все время поглаживала свой чертовски соблазнительный животик...

– И это все? – с еще большим недоверием в голосе спросил Борис.

– Да, кажется, это все, что я ей сказал... – Вадим почесал лысый затылок, явно пытаясь что-то вспомнить.

– Да, Вадим, ты явно помешан на красоте, и вся сила твоего ума в тот день в твой болт перетекла, и хотя этого не признаешь, но все-таки ты на нее тогда реально запал – на беременную любовницу своего хозяина. И тебя убрали с виллы, чтобы ты по простоте своей душевной его жене Марианне ничего такого не рассказал. Да и любовнице твое морализаторство незачем было слушать... – Борис, улыбнувшись, попытался разрядить обстановку. – Я не хочу настраивать тебя против твоего замечательного хозяина. Давай поговорим о нашем автопарке или о чем-то другом. – И, удаляясь от темы предыдущего разговора, он спросил с издевкой: – В чертовщину ты не веришь, а в церковь бегаешь! Хвала богу Шиве, что я тогда вовремя сбежал из автопарка, а то бы эти суеверные рабочие, придя одним прекрасным утром на работу, как во времена средневековья, запросто могли сжечь меня прямо на рабочем месте, используя вместо хвороста списанные шины! Должно быть, контролер из нашей конторы засветил меня за волхованием, но если честно, я в этом деле как бы и ни при чем. Один мой знакомец из Монако перед смертью попросил меня какой-то магический ритуал по книжке провести. Он, видите ли, умирать не хотел, а для меня это был просто научный эксперимент, да и на его денежную благодарность я очень рассчитывал. К тому же результаты того эксперимента я сфотографировал себе на долгую память, но на фотках реально какая-то чертовщина прорисовалась. Вот и хочу сегодня местного попа выловить, чтобы проконсультироваться по этому деликатному вопросу.

– Никто тебя за волхованием не видел, но ты на рабочем месте забыл свою сумку с колдовской утварью, заляпанную кровью, – возразил ему Вадик и как-то задумчиво сказал: – А может, действительно по парку чертовщина гуляет, только я ее пока что не замечаю? Надо будет и по этому случаю свечку в церкви поставить!

– Если честно, то я и не забывал колдовскую утварь в камере, – печальным голосом ответил Борис. – Контролер после того, как меня сфотографировал, встал на входе и своим подозрительным взглядом перепутал все мои мысли. Ну я и свалил куда подальше от греха...

Внезапно и словно по щучьему велению Борис увидел перед собой местного настоятеля, одетого в черную рясу, что вышел на свежий воздух из божьего храма, и клубы дымящегося еля стелились густым шлейфом за его спиной, как будто клубы пара из бани, растопленной по черному. Подозрительно посмотрев на служителя культа, Борис произнес с натяжкой в голосе:

– Люди говорят, что этот поп из Греции сюда направлен работать, и таких супчиков парашютистами зовут, и от него греки избавились, сплавив такую заразу своим русским братьям по вере. Тот еще гад... хитрый! Придется ему тест на вшивость устроить.

Чтобы не спугнуть зверя, Борис тихонечко подошел к попу – ниже среднего роста, чернявому, но не слишком сильно откормленному, с жиденькой курчавой бородкой, лет так сорока пяти возрасту, и нежнейшим голосом обратился к нему:

– Отче, мне позарез нужна ваша консультация – профессионала, и даже помощь! Тут такое дело... Мне бы хотелось узнать авторитетное мнение служителя культа по очень деликатному для меня вопросу.

В свою очередь поп, весьма настороженно уставившись въедливыми буравчиками в атмосферные, голубого цвета глаза Бориса со множеством оттенков и нюансов, нехотя отвечал:

– Сейчас мы очень заняты, сын мой! Ты запишись к нам в порядке живой очереди на консультацию в секретариате и справочку о святом крещении не забудь приложить!

– А может быть, мне вам, святой отец, как в хохме клоуна Никулина, еще и пачку других справок от других инстанций пришить к делу, вместе с револьвером для самоубийства? Бед-

ный Иисус! Вернись он к вам, то вы бы его снова распяли или в психушку упрятали на веки вечные! – заявил, опять таки явно не подумав, Борис и, пока поп не успел куда-либо улизнуть, подсунул ему под нос две злосчастные фотографии, сделанные им в автобусном парке. Служитель культа внимательно посмотрел на них и, внезапно побледнев, выдохнул:

– Откуда они у вас?

Борис, явно удивленный случившейся метаморфозой на лице служителя культа, все тем же мягким голосом радостно ответил:

– С того света... батюшка! И из-за этих проклятых фотографий меня с работы уволили, и вообще это дело принимает для меня крайне неблагоприятный оборот!

– А я-то тут при чем? – нервно вскричал поп и, вздрагивая от внезапно нахлынувшего на него перевозбуждения, покраснев и выпучив черные глаза, стал, словно рак, пятиться назад, осыпая Бориса крестными знаменами.

– Так это вы же людей чертями запугали... – Борис в расчете на взаимопонимание попытался выстроить диалог.

Но служитель церкви, уткнувшись в дверь храма, резко сделал несколько шагов в сторону и побежал вниз по лестнице к припаркованному около крыльца черному бумеру. Проворно заскочив в салон своей машины, он резко завел мощный мотор, и, взревев, словно зверь, его мустанг тронулся так резво назад, что Борис, кинувшийся вслед за попом, был вынужден шарахнуться в сторону, чтобы тупо не оказаться под его колесами. Тогда как водитель машины, как будто бы на какое-то непродолжительное время потеряв чувство ориентации, сделал еще несколько зигзагов по просторной площади перед церковью и на всех парах рванул от нее подальше, едва не передавив мирных граждан, бредущих навстречу ему по дороге к храму. А они, сердешные, чтобы спасти свои грешные жизни, испуганно шарахались в сторону от летящей на них черной машины, которую гнал прямо на них жгучий брюнет с обезумевшими черными глазами навывкат и одетый к тому же в черные одежды, с огромным крестом на груди. Святой отец так торопился сбежать куда-нибудь подальше, что не успел занести в салон свою рясу, и длинный лоскут материи, какое-то время зажатый дверцей машины, исправно подметал пыльную дорогу. И лишь на въезде на главную дорогу служитель Бога, совладав со своим страхом или с самим собой, резко затормозив, на мгновение открыл дверцу машины и затащил в салон изрядно запыленную полу рясы.

Борис, на какое-то время впав в некий ступор, тупо смотрел на безумство служителя культа. Тогда как Вадим Бездомный в силу особенностей своего пугливого характера так и не смог снять с себя маску искреннего ужаса и окаменел настолько, что еще долго не мог оторвать свой костлявый зад от ребристой скамейки. Неожиданно к Борису со спины подскочил какой-то седовласый старичок небольшого росточка, возрастом явно под восемьдесят лет, худощавый, но все еще сохранивший более чем завидную жизненную энергию, и спросил на русском языке, отягощенном ужасным эстонским акцентом:

– Чем торгуете, молодой человек, и вообще... почему сегодня опиум для народа?

А люди тем временем продолжали медленно идти по дороге к храму. Зазвонили колокола, и Борис не спеша повернулся в сторону шустрого старца, раздетого в доисторический черный смокинг позапрошлых веков со всеми прилагающимися причиндалами, то есть с накрахмаленной кружевной манишкой и белоснежными манжетами. В руках незнакомец держал медную трость с набалдашником из слоновой кости, изрядно пожелтевшей от времени, в виде головы фантастического существа, чем-то похожего на шакала.

Ошарашенный Борис промолвил очень удивленным голосом:

– Магистр, какими судьбами? Ведь вы под капельницей как месяц уже или вообще... копыта отбросили!

Борис был настолько поражен внезапным явлением преобразенного магистра, что не мог найти более культурного выражения для определения состояния смерти, и, наконец-то взяв себя в руки, выдавил:

– Пардон, магистр, вы же в клинической смерти пребываете или уже давно скончались! Про это мне в доме престарелых рассказали ответственные люди.

Но дедок странного вида, будто всего этого и не слыша, шустро осмотревшись по сторонам, остановил взгляд на Вадике Бездомном, застывшем на скамейке в сидячей позе, как изваяние, и, совершенно не обращая внимания на Бориса, бросился к поэту со словами дружеского приветствия:

– Ба! Какие люди! Молодой человек, здравствуйте! Вы, кажется, приехали сюда прямо с фермы Танерон? Было дело, бывал я в гостях там у нашего современного Иова, которого его же Яхве каждый раз испытывал на личную преданность. Подумать только... Какое горе! Дважды потерять свои семьи... воистину испытание не для слабонервных людей, а он, бедняга, не сдаётся, и ему мой особый респект и пожизненная уважуха.

Не успел Борис в силу своей природной заторможенности что-либо толком сообразить, как увидел этого странного старичка в театральном наряде уже сидящим в непринужденной позе на лавке в обществе Вадика Бездомного, жестикулирующим во все стороны тоненькими ручками. Дедок забавно болтал в воздухе короткими ногами, которые не доставали до земли, и что-то оживленно втирал почти обезумевшему Поэту Бездомному. И вообще, со стороны он был похож на циркового лилипута или на внезапно постаревшего мальчишку из детского кинофильма «Сказка о потерянном времени».

Было глупо оставаться не при делах, и уже слегка пришедший в себя Борис подошел к этой сладкой парочке, мирно воркующей на публичной скамейке в тени, ниспадающей на них от вихрастой кроны старой пальмы. Вадик, кажется, тоже успел выйти из ступора, и, судя по всему, старикашка смог залечить своего собеседника, сказав ему что-то приятное, так как на азиатском лице Вадика снова прорисовалась самодовольная улыбочка.

– Замечательные места у вас там, в Долине Мимоз, а воздух какой пьянящий! Можно просто есть его ложками, словно черную икру... Просто объедение! Я зажигал там с бывшим владельцем хутора в Танероне – замечательным писателем и просто душевным человеком, но после того как у него снова случилось такое невозможное горе... – Старичок явно не собирався замолчать и, тотчас сменив пластинку, во все той же оживленной манере продолжил: – И только поэтому я был вынужден переехать на Кап Антибов в Шато де ля Кроэ, что и по сей день еще стоит, слегка обгоревший, где ему и положено быть. Там меня и моих попутчиков каждый раз радушно встречали его бывшие хозяева. И вообще, я просто обожал гостить в Шато де ля Кроэ с того самого времени, как там поселился один глубоко несчастный, но очень влюбленный английский король, что так глупо отрекся от престола ради сожительства с этой чопорной американкой. Но лучшее время было, когда в нем поселился беглый король Египта Фарух. Воистину это было время, когда восточное гостеприимство меня чуть было не пленило раз и навсегда. Хотя и времена Онассиса там тоже были не самые худшие. Как мы там отжидали... сиртаки! Просто обалдеть, как было нам хорошо... пока и это шато не сгорело. Благо, что нынче Шато де ля Кроэ и поместье «Барон Мюнхгаузен» в Танероне выкупили отличные русские парни. И как только они приведут свои хижины в порядок, а у меня будет свободное время, то я их непременно навещу, и мы зажжем там, как говорится, по полной программе. Мой друг Роман Абрамович, с которым по молодости или по глупости его мы заключили договор о взаимовыгодном сотрудничестве, сегодня затеял фараоновские работы по восстановлению моего любимейшего Шато де ля Кроэ, да и Рашид... – Дедок, внезапно взяв паузу, стал скрести правой рукой свой затылок. – Пардон, господа хорошие, кажется, у меня старческий склероз – никак не могу вспомнить фамилию моего подопечного... того самого, что выкупил имение в Танероне!

– Шардаров Рашид Селимович, – напомнил ему вкрадчиво любезный Вадик Бездомный.
– Вот-вот! Я просто обожаю дагестанское гостеприимство и лезгинку! А какие они чудесные чуду и хинкалы готовят! Просто пальчики оближешь... – восторженно продолжил старичок.

Борис всегда оценивал по достоинству Вадика Бездомного за его культуру поведения, тщательность в изучении литературного наследия... Но все же свято придерживался правила: «Лучше иметь красную рожу и синий диплом, нежели наоборот!» И несмотря на явление, казалось бы, умершего магистра, стал размышлять логически: «А может быть, это и не тот самый магистр, что заташил меня в черную магию. Тот не говорил по-русски да и вел себя всегда так напыщенно, что походил на ошипанного индюка. Этот явно помоложе будет. А может, мой ритуал все же сработал и магистр омолодился? Хотя этот как будто бы помельче и... глаза! – Борис неожиданно обрадовался этой подсказке. – У моего магистра левый глаз был с бельмом, а у этого вроде бы оба глаза нормальные».

И тут же, приблизившись к незнакомцу, Борис нагло заглянул в его насмешливые глаза, которые озорно, по-мальчишески смотрели на него. Правый глаз был чистейшего голубого цвета и не обесцветившийся от старости, как у магистра, а левый глаз был черного цвета и как будто бы не живой, а искусственный, ибо вообще не излучал никакого блеска и к тому же слегка косил в сторону. Да и голос... у того магистра в гортани была дырка, а у этого хорошо поставленный баритон, словно у известного конферансье Максима Галкина.

Чтобы хоть как-то перенять инициативу, Борис сказал нагловатому незнакомцу в дерзкой форме:

– Одна из моих любимых книг советует не разговаривать на улицах с незнакомыми людьми и, если верить вашим рассказам о том, как вы зажигали на вилле имени Барона Мюнхгаузена в Танероне, а после и в Шато де ля Кроэ, то лучше вас в гости вообще не приглашать...

На что старичок, срочно взяв в руки свою медную трость и приняв солидный вид, с напускной серьезностью держал ответ:

– Вы, должно быть, молодой человек, о романе Булгакова «Мастер и Маргарита» изволите говорить, где бесы спичками баловались и примус починяли, так это и моя любимейшая книга. Значит, у нас еще будет о чем поговорить, а зовут меня Вол... Вольдемар! – И, немного подумав, он добавил: – Вольдемар Полюс! Я! И теперь мы окончательно и бесповоротно знакомы, и думаю, что еще и подружимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.